

Тань Юмин закончил обследование. Шэнь Цзуннянь вышел из кабинета лечащего врача и вместе с ним отправился за лекарствами. Он молча и очень сосредоточенно изучал медицинское заключение. Тань Юмин вспомнил своё поведение во время прошлых визитов к врачу — оно было далеко не образцовым. Ему стало не по себе. В те дни он даже не осознавал, что делает и о чём думает, существуя словно живой мертвец. Атмосфера стала слишком тяжёлой, и Тань Юмин решил сам разрядить обстановку:

— Э-э, на самом деле я чувствую, что всё не так уж...

— Тань Юмин, — Шэнь Цзуннянь наконец понял, что слишком долго молчал, и протянул к нему руку, — подойди.

Тань Юмин в замешательстве подошёл. Шэнь Цзуннянь прижал его к себе и погладил по спине:

— Тебе пришлось нелегко.

Тань Юмин замер. Шэнь Цзуннянь коснулся его плеча:

— Я напугал тебя?

Тань Юмин потёрся лицом о его шею. На душе у Шэнь Цзунняня было беспокойно. Он обнял его ещё крепче и тихо сказал:

— Я не виню тебя. Я виню самого себя.

Тань Юмин поднял голову:

— Это не твоя вина...

— И не твоя. Что было, то прошло, — Шэнь Цзуннянь смог пробыть нежным парнем всего три секунды и тут же снова превратился в строгого наставника: — Но впредь ты не должен халатно относиться к лечению. Лекарства принимать строго по часам. Осмотры по собственному желанию не отменять. И уж тем более нельзя пропадать и не выходить на связь с врачом. И ещё...

Тань Юмин прикрыл ему рот ладонью. Не помогло. Маленький мальчик неподалёку, которого отчитывали за нежелание делать укол, уже с любопытством смотрел на них. Тань Юмин оскалился и зашептал:

— Я знаю, знаю! Потихе ты! Не отчитывай меня при всех! А вдруг папарацци снимут? Я теперь в десятке лучших молодых людей!

Шэнь Цзуннянь холодно усмехнулся:

— В какой десятке? Десятке главных сказочников или хвастунов?

— ...Нервный.

Когда Шэнь Цзуннянь становился серьёзным, он выглядел пугающе. Но, заботясь о репутации своей «звезды бизнеса», он понизил голос и выставил ультиматум:

— Мне всё равно, что было раньше. В будущем ты должен быть послушным.

Глядя на историю болезни, он едва сдерживал гнев. Это был суший беспорядок, он никогда не видел, чтобы так лечились. Тань Юмин покосился на ребёнка и поспешно закивал:

— Угу, угу.

Шэнь Цзуннянь хотел добавить ещё пару ласковых, но, увидев его хлопающие ресницы, проглотил слова. Он лишь притянул его ближе и с досадой произнёс:

— Тань Юмин, я серьёзно.

Тань Юмин пару секунд молча смотрел ему в глаза. В чёрном взоре Шэнь Цзунняня читались властность и тревога, но больше всего там было нежности. Казалось, если Тань Юмин пообещает и поправится, Шэнь Цзуннянь сделает ради него что угодно. Какое-то надёжное и тёплое чувство тихо зародилось и начало распространяться, заполняя пустоту, которая царила в сердце Тань Юмина целый год. Он улыбнулся:

— Шэнь Цзуннянь, ты правда очень за меня переживаешь.

Шэнь Цзуннянь серьёзно подтвердил:

— Да.

Тань Юмин снова улыбнулся, на этот раз немного дерзко:

— Не переживай, я буду тебя слушаться.

Его слова сейчас не имели кредита доверия. Шэнь Цзуннянь без тени эмоций ответил:

— В будущем докажешь это делами.

У Тань Юмина было отличное настроение. Шэнь Цзуннянь казался ему невероятно милым. Он снова согласно закивал.

«Бентли» выехал на Берли-Дентон-авеню. Был вечер, и небо окрасилось в редкий фиолетовый закат. Облака расплывались мазками, похожими на ягоды шелковицы. Когда-то Шэнь Цзуннянь в одиночестве смотрел на рекламный щит Тань Юмина и чувствовал, что между ними непреодолимая пропасть. Теперь же Тань Юмин сидел на пассажирском сиденье, играл в его телефоне и без умолку болтал. Огромный синий дорожный указатель на двух языках всё так же гласил: «All Destinations» — «Все направления». Тогда человек, решивший сдаться, думал, что «все направления» означают отсутствие цели. Но жизнь сделала круг, и после тьмы наступил рассвет. Оказалось, что все дороги ведут в Рим.

Автомобиль остановился у ресторана «Ваньбаолоу». Вечером они договорились поужинать с друзьями — это был и приём в честь возвращения Шэнь Цзунняня, и благодарность всем за помощь. Перед тем как выйти, Тань Юмин достал из бардачка бархатную коробочку и вложил в руку Шэнь Цзунняня:

— Надень на меня.

Шэнь Цзуннянь открыл её. Зажим для галстука с узором в виде бабочки сверкал золотом и ярко-синей эмалью.

— Это тот самый, который ты подарил, — Тань Юмин наклонился ближе и указал на золотую гравировку с обратной стороны. — Смотри, я специально заказал надпись, чтобы не перепутать.

Подарок, который не удалось вручить двенадцать лет назад, снова вернулся к владельцу. Ладонь Шэнь Цзунняня стала тяжёлой. Опустив глаза на гравировку, он спросил:

— Что значит «tymzaszn»?

— «Тань Юмин заставляет Шэнь Цзунняня...» нет, «Тань Юмин любит только Шэнь Цзунняня», — глаза Тань Юмина сияли, он выглядел гордым и полным ожиданий. — Ну как? Я долго думал, прежде чем решить написать это.

— ...Понятно, — Шэнь Цзуннянь взял его галстук и закрепил зажим на уровне сердца. — По уровню ванильности не уступает Чжао Шэнгэ.

Надписи на ладонях и аббревиатуры на зажимах для галстуков были примерно одного поля ягодами.

— Пф, да что ты понимаешь, — Тань Юмин не стал обращать внимания на его холодность. Он посмотрел на себя в зеркало и поправил галстук. Синие крылья бабочки выглядели как живые,

словно собирались взлететь с его груди.

Зал был заказан тот же, что и на день рождения Тань Юмина в прошлом году. Большой стол, орхидеи, хрустальные люстры и сучжоуская вышивка на стене. Джо Чжисюань и господин Цзян пришли первыми. Они пили чай и обсуждали, как бы раздобыть для нового отеля Чжисюаня парочку таинственных антикварных сокровищ, чтобы пустить пыль в глаза конкурентам. Как только дверь открылась, их буквально ослепило сияние на груди Тань Юмина.

— Я не ослышался... то есть, не ослеп? — Цзян Ин поднял брови и недоверчиво посмотрел на Шэнь Цзунняня: — Это тот самый?

Как человек, причастный к истории этого зажима, а также пострадавший от неё, Цзян Ин в своё время потратил уйму сил, чтобы помочь Шэнь Цзунняню достать его. Он видел, сколько усилий и подарков потребовалось, а в итоге подарок так и не был вручен. Целых двенадцать лет эта тайна распирала его изнутри. Шэнь Цзуннянь, вертя ключи от машины, кивнул Цзян Ину:

— Спасибо.

Он благодарил и за ту давнюю помощь, и за поддержку в течение последнего года. Джо Чжисюань и вовсе не мог на это смотреть:

— Зачем столько пафоса? Даже кольцо с цаворитом у пятой жены короля судов не сияет так ярко.

Тань Юмин светился от счастья и не стал с ним спорить. Он снял пиджак, отложил часы, но галстук развязывать не стал:

— В будущем будет ещё ярче, ждите.

Чжисюань лишь хмыкнул, но в его глазах читались радость и облегчение. Постепенно к Тань Юмину возвращался его прежний блестящий вид. Вскоре прибыли Сюй Эньи, Сюй Чжиин и Ван Сыминь. В лифте они столкнулись с Цинь Чжаотэном и Тань Цзуи и коротко обсудили ситуацию на фондовом рынке. Дверь открылась, Тань Юмин встал:

— Добро пожаловать.

Сюй Чжиин пришла с какого-то официального мероприятия, она была в строгом белом костюме.

— А я думала, мы пришли раньше всех, — улыбнулась она Тань Юмину и пожала руку Шэнь Цзунняню: — Давно не виделись, господин Шэнь.

Шэнь Цзуннянь ответил на рукопожатие и кивнул. Оба вели себя настолько официально, что можно было подумать, будто они на встрече по крупному проекту. Цинь Чжаотэн похлопал Шэнь Цзунняня по плечу. Он не был многословен, лишь кратко сказал:

— Наконец-то вернулся.

Они выросли в суровых и полных интриг кругах власти, где не принято бурно выражать чувства. Тань Юмин был исключением. Остальные же, сколько бы ни делали за спиной, на людях ограничивались простым приветствием. Шэнь Цзуннянь просто кивнул:

— Да.

Но он прекрасно знал, что каждый из присутствующих сделал для него. Последними пришли Чэнь Вань и Чжао Шэнгэ. Тань Юмин тут же подколол старого друга:

— Почему ты каждый раз заставляешь себя ждать? Строишь из себя звезду?

Чжао Шэнгэ с невозмутимым видом усадил Чэнь Ваня рядом с Шэнь Цзуннянем:

— Ага. Иди пожалуйста на меня.

Джо Чжисюань покатывался со смеху. Чэнь Вань, выступая в роли миротворца, протянул коробку с подарком:

— Это печенье, которое вы пробовали у нас дома. Я сделал несколько новых вкусов, попробуйте.

Он внимательно заметил сияние на груди Тань Юмина и искренне похвалил:

— Какой красивый зажим. Словно бабочка присела тебе на сердце.

Этот душевный комплимент попал прямо в цель. Тань Юмин расплылся в улыбке. Чэнь Вань давно не видел у него такой чистой и пылкой улыбки, на мгновение показалось, что всё вернулось в старые добрые времена. Тань Юмин открыл коробку:

— Ого!

Щенки, панды, тигры и львы — целый зоопарк. Печенье поставили в центр вращающегося стола в качестве закуски. Оно быстро покорило дам. Ван Сыминь даже захотела рецепт, чтобы дарить такое печенье VIP-гостям в своём отеле. Джо Чжисюань притворно вздохнул:

— Учитель, не надо так задирать планку.

Тань Юмин взял печенье в форме волка для Шэнь Цзунняня — чёрное, шоколадное, а сам принялся за сливочную лисичку. Шеф-повар подал основные блюда. Шэнь Цзуннянь первым разлил вино. Ему почти никогда не приходилось произносить тосты, и он не любил сантиментов. Смысл его слов всегда был краток:

— Спасибо всем. Вам пришлось нелегко.

Тань Юмин встал и поднял бокал. Все взгляды устремились на него. Он на мгновение задумался и вдруг выпалил:

— Слушайте, а вам не кажется, что это похоже на свадебный тост?

— ...

Наступила тишина. Хотя все знали об их чувствах раньше, чем сами герои, «свадебный пир» оказался слишком внезапным. Гости даже не подозревали, что пришли на такое торжество. Господин Цзян заметил:

— Твоя скорость выше, чем у того короля эстрады, о чьей скоропалительной свадьбе только что написали в газетах.

— Это новый вид женитьбы? Без предупреждения пугать людей? — пробормотал Джо Чжисюань. — Я что-то не догоняю.

Цинь Чжаотэн, верный своему делу, добавил:

— Перед официальным объявлением предупреди меня. Мне нужно стабилизировать котировки акций.

Младшая сестра Тань Цзуи задумалась:

— Брат, а дядя с тётёй об этом знают?

— Серьёзно? — Сюй Эньи медленно подняла телефон. — Если да, я напишу в группу нашего класса немецкого. Пусть те старые однокашники, что по тебе сохнут, окончательно похоронят надежду.

Ван Сыминь, не забывая о бизнесе, сделала деловое предложение:

— Можно провести официальный банкет в моём новом отеле на склоне горы? Всё бесплатно, но я надеюсь, что вы вдвоём поучаствуете в нашей рекламной кампании.

Только Чжао Шэнгэ ничего не сказал, лишь спокойно взглянул на Шэнь Цзунняня.

— Да ладно вам, напугались, — рассмеялся Тань Юмин, по-хозяйски положив локоть на плечо Шэнь Цзунняня. — Я ещё даже предложение не сделал. Но когда сделаю — готовьте жирные конверты.

Шэнь Цзуннянь с лёгкой головной болью забрал у него бокал. За едой и вином время пролетело незаметно. Группа трудоголиков редко собиралась вместе, поэтому вскоре распорядились поставить столы для карт. Трёх дам увёл Чэнь Вань, а Тань Юмин остался сражаться против Чжисюаня, Цзян Ина и Цинь Чжаотэна. Сегодня ему везло и в любви, и в картах. Он протянул руку к проигравшему:

— Давай сюда, молодой господин Джо.

Джо Чжисюань проиграл пять партий подряд. Он скорчил недовольную гримасу и хлопнул ладонью по его руке:

— Что «давай»? Ты мне ещё за год лечения не вернул, пойдёт в счёт долга.

Врачи уровня Моники стоили недёшево. Тань Юмин саботировал лечение, и Джо Чжисюаню в этот год приходилось тратить и силы, и деньги. Иногда даже оплата счетов не помогала затащить этого упрямца в больницу.

— Ладно, в счёт долга.

— Хе-хе, наконец-то кто-то вернулся, чтобы приструнить тебя. А то со мной ты только и делал, что юлил да капризничал. Лекарства не пил, уколы не ставил, на электротерапию не шёл. Мне приходилось караулить тебя в зале заседаний и силой тащить к врачу. Настоящая партизанская война каждый день, — Джо Чжисюань, наконец-то взяв реванш, был очень доволен собой. — Ну и как, при Шэнь Цзунняне ты посмеешь так себя вести?

— А что такого? — Тань Юмин покосился на него с гордостью. — Мне только в радость!

Джо Чжисюань, глядя на его довольную физиономию, только и смог вымолвить:

— Ничего. Просто у меня зубы сводит от вашей сладости. Пойдёт?